

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЯ

С. Дж. Гасимова

*Бакинский славянский университет, ул. С.Рустама 33,
1014, г. Баку, Азербайджан, saligasimova@gmail.com*

Настоящая статья посвящена важной и актуальной теме. В ней показано, что лучшая часть современной немецкой интеллигенции обеспокоена проблемой прошлого, на которую следует смотреть сквозь призму наших дней, то есть настоящего. Статья структурирована. Она состоит из двух частей. Первая носит название «Публичная память», которая, в основном, находит своё художественное разрешение на уровне государственной политики. Вторая – приватная, то есть носящая частный характер и отражающаяся в традициях старинной бюргерской семьи. Оба вида памяти анализируются с подкреплением тех или иных положений фактическим материалом.

Ключевые слова: немецкая литература; Германия; современность; прошлое; настоящее; культурные ценности; трансформации; осмысление истории.

RETHINKING THE PAST IN GERMAN LITERATURE LATE XX – EARLY XXI CENTURY

S. J. Gasimova

*Baku Slavic University named after S. Rustam 33
1014, Baku, Azerbaijan, saligasimova@gmail.com*

This article is devoted to an important and relevant topic. It turns out that the best part of the modern German intelligentsia is concerned about the problem of the past, which, according to the fair decision of the author of this work, should be viewed through the prism of our days, that is, the present. Become a kind of structured. It consists of two parts. The first one is called "Public Memory", which mostly finds its artistic resolution at the level of public policy. The second is private, which is private in nature and reflected in the traditions of an old Burgher family. Both types of memory are analyzed with the reinforcement of certain positions by factual material.

Keywords: German literature; Germany; modernity; past; present; cultural values; transformations; comprehension of history.

Ф. Хаге, видный современный литературовед и редактор популярного в наши дни литературного отдела журнала «Шпигель» указывал, что «...в самом конце XX столетия Германия решительно переживала духовный кризис, в основном связанный с разрушением прежних культурных ценностей, за которые интеллектуалы и писатели цеплялись ранее, ещё несколько десятилетий тому» [1, с. 55].

Справедливость его суждения, касающегося в первую очередь сло-

жившихся традиций восприятия и осмысления истории Германии в XX в., подтверждается некоторыми соображениями. Во-первых, это касалось тех изменений в Европе, которые были вызваны распадом СССР. Во-вторых, подписанием Варшавского пакта, согласно которому произошло объединение немецких держав и другие государственные трансформации (в Чехословакии, Югославии). Как следствие этих двух эпохальных событий, назрела острая необходимость заново определить роль Германии в мировом социо-пространстве, в том числе и в огромном литературном сообществе. Прогрессивные немецкие филологи и лучшие представители некоторых смежных профессий – лингвисты, историки, культурологи, философы и т. д. сошлись во мнении, что обращение к национальному историческому опыту здесь не всегда оказывалось однозначным в своих результатах, ибо в сфере общественного, а затем и художественного осмысления действительности в современный период стало, по терминологии Х. Вельцера происходить сближение двух «культур памяти»:

А) «Публичная», находящая художественное отражение в политике, дидактике и морализаторстве;

В) «Приватная», сохраняемая и охраняемая в семьях старой бюргерской закалки. При этом довольно скоро и неожиданно выяснилось, что такого рода двойственная память не охватывает недавнее историческое прошлое немцев, которое целиком и полностью удовлетворяло бы возросшие интересы, и как следствие – новые пристрастия. Напротив, лишь усугубило литературную ситуацию в Германии, тем более в XXI веке.

Констатация отдалённого прошлого привело к возникновению важного литературного парадокса: потребность к обращению в, казалось, «добротное» бюргерское прошлое неожиданно становится явлением актуальным. Но это только одна, как говорится, сторона медали. Временную актуальность можно объяснить как минимум двумя причинами. Во-первых, на протяжении долгих лет существовала скрытая психологическая взаимосвязь между «душной теснотой и постоянным оглушением с 1940 по 1945 год» (Р. Д. Бринкманн) и последующим подсознательным стремлением вытеснить травматический опыт прошлого из своего сознания. На это указали ещё Александр и Маргарет Мичерлих в книге 1967 года «Неспособность к скорби». К тому же об этом свидетельствовали и некоторые другие авторы.

И лишь рождение новой Германии в самом начале 1990-х (так, во всяком случае зафиксировано во многих исторических хрониках, Конституции этой страны и иных официальных документах) сделало реально возможным новое приближение к травматическому опыту прошлого, в особенности для писателей старшего поколения. Далее, Германия как член НАТО была прямо или косвенно задействована в событиях, сотрясавших европейское сознание конца века: войне в Заливе (1991), ликвидации последствий этнических чисток в распадавшейся Югославии (се-

редина 1990-х), натовских бомбардировках Косово и последующей оккупации края (1999) и т. д.

Перечисленное не могло не сказаться на литературно-культурном Олимпе Германии. Переосмысление прошлого, что является главным объектом художественного исследования в нашей статье, принесло как свои благодатные плоды, так и негативные последствия. Как писал упомянутый нами Ф. Хаге, «слово взяло прежде всего поколение немецких военных детей». На этом примере было ясно видно, насколько сильно на аргументацию противников бомбовых ударов влияли детские воспоминания и их позднейшая интерпретация. Так что память в двух вышеуказанных нами видах в современной Германии связана была не только с тяжёлым военным и послевоенным прошлым, но отчасти и с настоящим. Отсюда, кстати сказать, следует достаточно частое появление в текстах последнего десятилетия XX века и начала новой эры особенного ощущения происходящего: прошлое, настоящее и будущее сливались в личной перспективе происходящего. Для многих прогрессивно мыслящих интеллигентных немцев эти три времени и эпохи стали понятиями неразрывными в своей логической цепочке.

Это несложно доказать, опираясь на научные литературные труды немецких филологов. К примеру, то, что на рубеже XX–XXI столетий в немецком общественном сознании началась новая фаза осмысления прошлого, показала и далеко не однозначная реакция на публикацию дневников В. Клемперера, на исследование Д. Голдхэйгена «Добровольные подручные Гитлера» и на многие другие документальные хроники. Видный русский исследователь А. И. Борозняк справедливо отмечает, что дискуссия вокруг ответственности рядовых немцев за преступление нацизма выявила: Германия «снова – в пороговой ситуации» [2, с. 111].

При этом было бы ошибочным считать, что молодое поколение проигнорировало эти дискуссии. Оказывается, они тоже к ней довольно активно подключились. Одновременно с тем мы всё-таки далеки от идеи разграничивать литературу в этом отношении на два «возрастных» потока было бы отчасти ошибочным: так, например, Гюнтер Грасс в «Траектории краба», повествуя о прошлом, также переносит акцент на познание и вообще переосмысление передовыми немцами прошлого сквозь призму своего настоящего.

Анализируя тему «культурной памяти», важно помнить о том, что процесс познания истории и новейшего общества в немецкой литературе характеризуется решительными переменами не только содержательного, но и художественного плана. Постмодерн в Европе (мы имеем в виду Англию и Францию) и, как это ни парадоксально звучит сегодня – в России) автоматически принёс в Германию ощущение некоей «усталости», частичной отрешённости от прежнего социального бытия, от тех идеологических догм, по которым велся поиск обезличенных литературных ге-

роев. Некоторым немецким писателям XX-XXI веков захотелось даже на время быть одинокими в этом хаотичном мире.

Может показаться несколько странным, но подобный подход доказал свою продуктивность, хотя довольно быстро выяснилось, что «микроистория» реализует себя лишь в имплицитном соотношении с проблематикой «макроистории». При этом важно отметить существенный временной разрыв между новейшими историческими исследованиями, проводившимися в европейской науке, и их восприятием и критической оценкой в Германии. У любой проблемы есть своя история и решить её наскоком никогда не получается. Во всяком случае, в серьёзных и ответственных филологических исследованиях.

Так, спор немецких критиков-литературоведов, историков и писателей в самом конце XX столетия вызвал очень широкий резонанс (насколько нам удалось узнать, в том числе даже и международный). Это была откровенная дискуссия об эволюции политических социальных и собственно литературных идей, о смысле европейской и мировой истории, а главное о том, способен ли уже фундамент современного немецкого общества выдержать страшный вес прошлого [3].

Показательно в этом ключе, что немецкие учёные – представители смежных профессий и художники слова по поводу определения генеральных путей в отечественной литературе и культуре в недалёком будущем даже разделились на лагеря. «Консервативное крыло» историков литературы в лице Нольте, Феста, Хильгрубера, Штюрмера склонялись к положительному ответу. Их в принципе всё (или почти всё) устраивало в современной художественной литературе. Иными словами, памятью прошлого они особенно себя и не обременяли. Но прятаться от реальности – вряд ли это правильный путь в литературе, культуре, искусстве и т. п. Другой лагерь – это «либеральные литераторы», главой которых являлся некий критик Хабермас. Представители этого крыла, в противовес консерваторам, напротив, считали нынешний курс немецкой литературы ошибочным и в конечном итоге приводящем к отрицательному результату. Любопытно также отметить, что от социологов и историков дискуссия о прошлом и настоящем Германии постепенно перешла тоже в область литературы. Как говорится, совпали воедино общие интересы.

В конечном счёте эйфория от объединения двух германских государств на время увела внимание от обсуждаемых проблем, но уже в самом конце – начале новой эры некоторые немецкие писатели вернулись к исследованию своей национальной идентичности в современном мире. На наш взгляд, не в последнюю очередь это было связано и с тем, что новое немецкое общество столкнулось с проблемой преодоления сложившегося восточногерманского отношения к прошлому. Как пишет известный русский историк и филолог М. Соколов, «существовавшее до 1990 года первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян бы-

ло озабочено не столько преодолением, сколько аннулированием нацистского прошлого, которого как бы и не было» [4, с. 37].

Такое суждение имеет под собой реальное обоснование. Например, почти сразу же после объединения двух Германий на прилавки книжного рынка легла и разошлась большим тиражом монография Рольфа Штольца «Немецкий комплекс». О чём эта книга? Автор зафиксировал в ней две важные точки зрения на немецкое прошлое. В первом случае можно считать, что немцы и в отдалённом будущем обречены время от времени помнить нацистские преступления. Во втором случае полагают, что всё это они сдадут, как говорится, в архив и искать нового литературного героя без оглядки на деяния прошлого, тем самым получая возможность исторического развития в будущем.

Однако, вторая точка зрения, как мы это себе представляем, нуждается в особых комментариях. Р. Штольц волей-неволей «забывает» о том, что военные преступления с одной стороны не могут оправдываться совершением таковых с другой. Ключевым в этой ситуации становится тщательный анализ источников, причин случившегося, несмотря на то что немецкая национальная история XX в. демонстрирует обилие мучительных и отталкивающих событий.

Сложность этого анализа состоит в том, что «тёмные времена» (сами немецкие критики и писатели в этом признаются) затронули почти всех. Так, Гюнтер де Бройн, один из наиболее вдумчивых писателей-хронографов XX в., в 2000-х годах опубликовал книгу размышлений с характерным названием: «Немецкие обстоятельства». Новую немецкую литературу он сопоставил с социальными обстоятельствами XXI века. Прежде всего он открыто признал, что национальное настоящее Германии, безусловно, покрыто тенью прошлого, в особенности это касается рождённых, как автор, в 1920-е гг. или ранее. К примеру, пишет он, «в детстве и юности они слышали слово «Deutschland» слишком часто, до отворачивания, а затем, после войны, вынуждены были стыдиться его» [5, с. 27].

Примечательно, что несколькими годами ранее очень похожий аспект затронут и в книге прогрессивной немецкоязычной писательницы, турчанки по происхождению, Э. С. Эздамар «Мост через бухту Золотой Рог» («Die Brücke vom Goldenen Horn», 1998). Её автобиографическая героиня вспоминает случайное знакомство с молодым немцем в Париже 1960-х гг. «Израсходовав... весь свой запас английского, я спросила, с какой стати он, немец, говорит со мной по-английски.

—Здесь, в Париже, я стыжусь немецкого языка, — ответил он мне. — Это язык Геббельса и Гитлера.

— Лично я люблю Кафку, — возразила я» [6, с. 109–110].

Веер мнений, как видим, здесь налицо. И всё же, даже в эпоху стирания национальных границ в Европе, осознание его соотечественниками своей «немецкости» не лишилось смысла. Гюнтера де Бройна не

устраивает в первую очередь позиция ярых сторонников так называемого «пост-национального общества», предложивших лукавое, универсальное решение любой проблемы «национальной вины». На их взгляд, отмирание понятия «нации» в объединённой Европе стирает и сами воспоминания о тёмных страницах прошлого; европейцы получают возможность оптимистично смотреть в будущее. Писатель заявляет: когда умрут последние свидетели Освенцима, лишь причастность к национальной памяти сообщит новым поколениям понимание уроков истории и таких категорий, как «Холокост», «ответственность», «вина». А без этого невозможно и собственно осознание в себе «человеческого».

Впечатляющий пример осмысления прошлого в художественной литературе являет собой книга Гюнтера Грасса. «Моё столетие». Автор определил литературу нового столетия и взгляд немецких писателей на историю в том числе как разговор прошлого с настоящим и будущим. Именно посредством беседы, разговора действующих лиц он соединил исторические времена ещё в предшествующем названной книге романе «Долгий разговор», позволяя читателю взглянуть на прошлое глазами современника, уловить даже смутные, неявные закономерности исторического процесса – те, которые не входят в учебные пособия школ и университетов современной Германии. Названные труды (монографии и художественные сочинения) содержали в себе такие богатые и новаторские идеи, связанные с переосмыслением прошлого в новейшей национальной литературе, что Грасс вскоре получил за них высочайшую награду – нобелевскую премию. Он, кстати сказать, на этом не остановился, а продолжил опыт подобного познания памяти истории в литературе и отчасти критике.

В каком же направлении продолжил работать Грасс? История, память прошлого и художественная литература в одном лице, главным образом, представлена у него рассказами-монологами. Вот перед читателем молодой солдат из Нижней Баварии – Рапопорт, производитель грампластинок в Ганновере, мальчик, сын партийца-железнодорожника, молодая швейцарская журналистка и её респонденты – знаменитые Ремарк и Юнгер, девочка из Хемница, сын безработного в Ремшайде. Колоссальная по объёму галерея персонажей. И все они в XX столетии с разных позиций рассуждают о прошлом, но чаще всего осуждают его. Показательно, что в массе героев слово имеет и сам автор, который приоткрывает завесу тайны личной «творческой жизни и лаборатории».

Ужасает «тёмное время» в германии и Г. Грасс делает вывод, что оно никогда не должно повториться в истории человечества. Его центральное произведение, дело всей жизни – роман «Моё столетие» оригинальное по жанру и своеобразное по композиции. Авторская установка проявляется в том, что принципиальная «дробность» повествования отражает самоё сложность осмысления истории, ее принципиальную не-

сводимость к упрощённым положениям. По этой причине автор постоянно меняет точку зрения на происходящее, адресуя роль рассказчика все новым и новым представителям разных социальных слоев и разных поколений. Прислушиваясь ко всем – от кайзера Вильгельма до простой пенсионерки, писатель подводит итоги целого века. Множество разных голосов отказывают в существовании исторической инстанции: женщины, разбирающие развалины, и безработные излагают историю «снизу» – в противовес господствующему взгляду на историю «сверху». И так – целый свод сведений о культуре, которыми пренебрегают в остальных случаях: от первой немецкой подложки до известий о прилунении, от первых граммофонов до современных плееров. Вот такой временной континуум, такой большой размах событий.

Причём, хочется отметить, что каждый из голосов в романе неповторим, поскольку несёт свою правду, выражаемую своими словами. И то, о чём они повествуют, отражает лишь их индивидуальный опыт. Соединённые вместе, заключённые в одну «обложку», они создают многофигурную картину века и разнообразия оценок для событий, его представляющих. Нам особенно приглянулось мастерское использование Германом Грассом притяжательного местоимения «моё» в названии книги. Оно, по сути, призвано подчеркнуть здесь важность субъективно-авторского взгляда. А именно, факты большой политики (убийство Ратенау или покаяние немецкого канцлера в момент государственного визита в Польшу) сопрягаются с происшествиями сугубо частной жизни (беспокойством по поводу не полученного от концерна «Фольксваген» автомобиля и тому подобным). Несовместимые по масштабу понятия, логическое и одновременно с тем неповторимое.

Перед читателем – неоднократное пересечение разных точек зрения, которые при этом отнюдь не затмевают главную смысловую доминанту. Вдумаемся, что кроется за названием этого романа? «Своё» столетие Г. Грасс видит исполненным катастроф, ярко демонстрирующим человеческую неадекватность, пошлость и закоренелый эгоизм [7]. Масса негативных черт характера личности запечатлена в этом сочинении.

Правда, справедливости ради, автор настоящей статьи, человек другого поколения и национальности спешит высказать и свою точку зрения. Поэтому трудно сказать, чтобы оценка действительности в этой книге отличалась от выражения её в других книгах писателя. Однако здесь эта оценка приобретает характер окончательного и не подлежащего обжалованию приговора, в котором расчёт писателя с прошлым состоялся полностью. Как именно это осуществляется? Вопрос, который, как можно видеть, оказался актуальным ко второму десятилетию XXI века.

Любопытное наблюдение, касающееся немецкого национального духа на рубеже XIX – XX вв., находит читатель уже в первой главе («1900»): «Почти все мы добровольцы», – замечает герой, окидывая взо-

ром экспедиционный корпус, отправляющийся в Китай. В те времена бесцеремонное вторжение в чужой мир именовалось в речи кайзера так: «Откройте дорогу новейшей культуре!». Цинизм. И только. И военный дух креп год от года. Фабрикант грампластинок рассказывает о своей продукции. Грасс обращает при этом внимание на много объясняющий потомкам факт предвоенной жизни: одна из самых популярных песен (не что иное, как выражение духовной жизни народа) называлась «Фландрская пляска мёртвых». Единичный факт? Да. К тому отдалённому от нас времени от этой песенки ещё не чувствовалось будущей трагедии. Но от малого до большого – всего лишь один шаг, и автор делает резонный вывод, что разительные перемены вскоре настанут. Поясняя это на конкретных примерах, взгляд писателя останавливается не столько на самых ярких, сколько обыденных характерах: домохозяйках, городских обывателях, невысоких чином полицейских, солдатах, мелких журналистах – то есть рядовых исполнителях приказов. Есть в романе и политические заключённые 1936 года, отчаянно переживающих победы и поражения немецкой национальной команды на Олимпийских играх в Берлине, безработные, мечтающие о достойном существовании и лидере, который привёл бы их к благополучной жизни. Спрашивается, почему такой необычный подбор героев? Потому что Г. Грасса в первую очередь интересовало мнение не вышестоящих начальников, а рядовых людей. И подобных примеров в современной немецкой литературе немало.

Библиографические ссылки

1. *Хаге Ф.* Чувства, погребённые под обломками. Как немецкие писатели справились с темой бомбёжек [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3. URL.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha38.html> (date of access: 14.01.2025).
2. *Борозняк А. И.* Искушение: Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М. : Незав. изд-во «Пик», 1999.
3. *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого: очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001.
4. *Соколов М.* Гитлер вечно живой // Русский Телефаф. 1998. № 49. URL: <http://www.conservator.ru/lib/msokol/1998/021.shtml> (date of access: 14.01.2025).
5. *Бройн де Гюнтер.* Сорок лет. Повесть о жизни Сорок лет. Повесть о жизни Гюнтер де Бройн // Иностр. лит. 1998. № 2. С. 171–213.
6. *Эздамар Э. С.* Мост через бухту Золотой Рог. СПб. : Амфора, 2004.
7. *Грасс Герман.* Моё столетие. М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2001.